

Хельга Мерц-Оллин

Мальчишечье море

Preview¹

Кругом полно воды, но не той, которую я люблю: бутылочного цвета, горько солёной, после неё шелушится кожа, и волосы, высыхая, торчат в разные стороны сосульками. Эта же, больше похожая на чернила, стоит неподвижными зеркальцами меж кочек, поросших пожелтевшей осокой. Глянь в неё и увидишь свое резко очерченное тёмное отражение.

Чёрная вода, воняющая гнилью, течёт по пальцам, пачкает край рукава моей нелепой блёкло оранжевой *свифтшотки* с мелким узором, состоящим из геометрических фигур. Треугольники и квадраты, сплетаясь между собой, образуют неприятную рябь так, что глаза ломит. Мне моя кофта нравится — в ней спрятан тайный смысл, и в чём прикол со стороны не понять.

Я с головы до ног перемазан болотной жижей, джинсы по колено мокрые, и в кроссовках хлюпает.

¹ Предварительный фрагмент, в данном случае — отрывок из музыкального трека.

Но это не важно. Рука, крепко сжимающая холодный металл с острыми режущими гранями, превратилась в заводь боли, растекающейся ледяными ручьями по телу. Тёмная кровь смешивается с чёрной водой — в наступивших сумерках их не отличить.

Мое лицо мокро от слёз, в свои четырнадцать я ещё не научился плакать. Из груди рвётся громкое рыдание больше похожее на лай осипшего пса. У меня появляется желание уйти туда, в сторону реки Рймни, где глубокая топь, и никогда больше не ощущать той печали и смертной тоски, что с невероятной силой давит на моё сердце. Но я поворачиваю назад, обратно к шоссе Ровер-уэй. Я должен это сделать ради своего младшего брата Брайана, ради Сэнни и своей семьи.

Под ногами постепенно становится суше, из-под подошв не сочится чёрная влага. Кругом тихо, лишь печально шумит пустыми стеблями сухой, увядший тростник — готовый атмосферный сэмпл ². Злой пронизывающий ветер октября уныло завывает в темнеющем небе, он с силой налетает на меня, пробирает до костей, заставляет дрожать.

² Небольшой оцифрованный звуковой фрагмент (от англ. Sample).

Кофта из трикотажа не греет, а куртку я оставил мёртвому Браю. Она ему очень нужна, ведь он в одной лишь заляпанной пылью и землёй футболке, на которой с трудом угадывается полустёртый рисунок — специально отпечатанное на принтере изображение *Люка Скайуокера*³, - мой подарок на его день рождения.

Я купил тайком белую футболку, скачал из «гугла» картинку и съездил в торговый центр на Квинс-стрит, с трудом отыскав небольшую клетушку, где делали печать по ткани. Парень, занимавшийся распечаткой, пообещал, что принт продержится в лучшем случае год и не слезет после многочисленных машинных стирок. Минимум усилий и затрат, но Брай был доволен. Он, как только развернул мой подарок, тотчас натянул на себя футболку и больше её не снимал, даже спал в ней. Его день рождения был около двух недель назад, в субботу, восьмого октября.

Время пролетело незаметно и уничтожило, растащило на отрезки почти всю мою жизнь.

³ Персонаж «Звездных войн», автор Джордж Лукас.

Глава 1

Девятое октября. Intro⁴

Точно помню с чего и где всё началось.

В воскресенье, почти под вечер, мы с Брайаном стояли на парковке перед средней школой, где я учился.

Эта чёртова школа была построена на месте осушенного болота и какой-то умник из городской управы не нашёл ничего лучшего, как дать ей название: «Высокие Ивы». Ребята из Сплотта дразнили нас болотными жабами, «икрой» лягушки *Пене*⁵. И действительно, после хорошего дождя футбольное поле, расположенное за двухэтажным зданием школы, превращалось в топь, по которой мы, облепленные со всех сторон грязью, бегали за мячом и дико верещали; наши голоса, совсем ещё не устоявшиеся, срывались на дискант.

Не люблю спорт, тем более футбол. В случае нашего проигрыша команда в полном составе принималась наезжать на меня, что я всем мешаю и

⁴ Нейтральное вступление в музыкальном треке.

⁵ Известный интернет-мем, созданный на основе графического романа авторства Мэтта Фьюри (Matt Furie).

лучше бы вообще сидел во время игры на скамейке запасных. Я бы так и делал. Но наш тренер уцепился за меня, увидев однажды, как я быстро бегаю, и решил воспитать второго Гарета Бэйла.

От предков мне достался высокий рост. К четырнадцати я вымахал на пять футов и одиннадцать дюймов, но страшно стесняюсь своей долговязости и потому постоянно сутулюсь. Этаким вопросительный знак со светлыми космами, торчащими в разные стороны. С фейсом мне тоже не повезло: оттопыренные уши плюс кривые зубы. Мою семью можно было отнести к среднему классу, у нас хватило бы денег, чтобы оплатить услуги стоматолога и поставить мне брекеты, но мой предок посчитал, что я и так обойдусь. В общем, я нескладный, с длинными конечностями, которые постоянно заплетаются. Бегая, я их подволакиваю, а когда иду по ровному асфальту, то спотыкаюсь о мелкие камушки, и те раскатываются в разные стороны. Создается такое впечатление, что они появляются из-под земли и сами лезут мне под ноги. Одноклассники меня недолюбливают. Хотя мягко сказано — я всегда был изгоем. За светлую гриву (специально весь последний год отращивал патлы, чтобы досадить отцу) и за мою неуклюжую, вихляющую походку меня дразнят *тупой блондинкой*.

Я ненавижу цвет своих волос, презираю себя

убогого, не перевариваю одноклассников и остальных ребят из средней школы «Высокие Ивы». В Америке, подобные мне отщепенцы берут в руки оружие и приходят в свой класс с единственной целью: превратить всех в кровавый фарш. Но я живу не в Соединённых Штатах, а в долбанном Уэльсе, где даже мой отец, служащий в дорожной полиции Кардиффа, пистолет в руках ни разу не держал.

В тот день Брайан в первый раз пропал.

Накануне, в свой день рождения, он, после поздравлений от семьи с наступившим в его жизни восьмым годом жизни, отправился с мамой в развлекательный центр «Жирав», куда должны были прийти все его многочисленные друзья в сопровождении своих родителей. Брай был популярным мальчишкой, любил скопление народа, мог запросто подойти к кому-нибудь на улице и завести разговор. Меня его способность находить общий язык с совершенно незнакомыми людьми удивляла. Я так не мог — посторонние меня напрягали. Рядом с ними я ощущал себя косноязычным, боялся ляпнуть лишнего, и всегда считал, что окружающие видят вместо меня чучело. Потому-то и не пошёл с ними, а остался дома, придумав на ходу отговорку, что мне необходимо позаниматься математикой и подтянуть английский. Не хотелось тратить субботу на возню

с мелкой школотой в детском кафе. Слушать, как они визжат и хохочут, стоит одному шепнуть на ухо другому тайком от взрослых какое-нибудь сальное словцо, типа, *сисечки*. Оно будет передаваться дальше по цепочке, и каждый станет при этом дико ржать, брызгая слюной в разные стороны, и шмыгать соплями.

Они вернулись домой уже под вечер, Брай был задумчив, и мне показалось, что чем-то недоволен, но я не придавал этому большого значения, и зря.

А на следующий день разразился очередной скандал. Буря давно назревала в нашей семье. У нас всегда так было, раз в неделю отец устраивал грандиозный концерт, который всегда приходился на выходные. Всё начиналось с неосторожно сказанного слова, неправильно выбранной интонации и пошло-поехало. В ход шла посуда, изредка — в период сильного кипения отцовского котелка, — кухонная утварь, страдали стены, не говоря уже о нашей нервной системе. Препирательства перерастали в свару, а та в свою очередь в грызню. Причем за звук и спецэффекты отвечал отец, а мы лишь молчаливые зрители, не имевшие права вносить изменения в его захватывающее шоу.

Начиналось всё по давно придуманному сценарию: сперва мой предок орал, что все мы трое

— я, Брай и мама, — дармоеды, которые ничего не делают, пока он вкалывает на работе. Назвать его службу в дорожной полиции такой уж и изматывающей, язык не поворачивался: штрафовать бабушек переходящих улицу в неполюженном месте, да ловить нетрезвых водителей, — непосильная задача, ничего не скажешь. На самом деле, своего отца я давно раскусил: он вопил, как сумасшедший, и бил тарелки, срывая злобу на нас. Видимо, когда его начальство устраивало ему разнос или у него что-то не ладилось на службе, он не находил ничего лучшего, как отыграться на семье. Но его можно было понять и даже немного посочувствовать — он отдал своей работе много лет и взамен ничего не получил. В свои сорок три года он всё ещё ходил в сержантах, и на этом его карьера, скорее всего, должна была завершиться.

Батон (именно так мы с братом называли отца за глаза) в первую очередь отчитывал мать за то, что она скверно ведёт домашнее хозяйство и не занимается нашим воспитанием. Затем начинал унижать меня. Он, ничуть не стесняясь, мог обзывать меня гомиком, которого будут иметь все кому не лень день и ночь, когда я отправлюсь учиться в колледж. Что я никчёмный, не приспособленный к жизни. Размазня. Моё увлечение музыкой ни к чему хорошему не

приведёт — зря трачу время. Я не могу постоять за себя и вообще идиот, каких свет не видывал. Перечислять весь список обидных ругательств, что мне приходилось выслушивать от отца, никакой бумаги не хватит. Все мои недостатки, о которых я сам не забывал ни на минуту, расписывались в подробностях, приукрашивались и раздувались до невероятных размеров.

После наставала очередь Брая. Ему доставалось меньше всех, он младший, его больше любили. Батон проходил по его увлечениям, на которые тот тратил свои карманные деньги, а потом, тыча толстым пальцем в мою сторону, объяснял моему брату, что не стоит брать пример с дылдака и нужно думать своей головой, иначе его будут точно так же унижать и вылавливать после уроков. На этом нравоучения для Брайана заканчивались, и отец вновь принимался за нас с матерью. Своего рода *луп* ^б. С чего начал, к тому и пришёл. Наоравшись до хрипоты и разнеся всё вокруг, батон отправлялся в паб: залить своё горе стаканчиком виски (ему так не повезло с семьёй: жена — дура, дети — неблагодарные свиньи). Своеобразный ритуал выходного дня.

^б Фрагмент звуковой или визуальной записи, замкнутый в кольцо (петлю) для его циклического воспроизведения.

На сей раз семейные разборки начались из-за мамы. Она работала в социальной службе медсестрой и занималась тем, что ходила по домам, где жили одинокие пожилые люди, контролировала, чтобы те вовремя принимали свои таблетки, делала уколы, ставила капельницы и катетеры, измеряла им давление, помогала с уборкой и просто беседовала с ними. Старикам, живущим без родственников, многого не нужно — главное, чтобы их слушали.

Когда я был помладше и посещал начальную школу, мама частенько брала меня с собой (потом эта привилегия принадлежала исключительно Бряю). И я вместе с ней выслушивал их истории, как они когда-то были молодыми. Глядя на их морщины, беззубые рты и жиденькие волосики, сквозь которые просвечивала необычная, по сравнению с их лицами, гладкая тонкая кожа, мне с трудом верилось, что много лет назад эти древние старики и старушки учились в школе, в университете, мечтали, пели, танцевали, любили и были любимыми.

У отца возникли серьезные вопросы относительно того, почему мама стала частенько задерживаться на работе. И действительно, всю последнюю неделю она возвращалась домой уже после семи вечера, приходила уставшей, объясняя это своей занятостью — ей поручили опекать

слишком много стариков. Высказав свои претензии по этому поводу и выслушав от мамы её оправдания, батон, не найдя больше других слов, набросился на неё с кулаками. Вот на это мы не могли смотреть спокойно, и вступились за мать. Я вцепился в отца сзади, пытаюсь скрутить тому руки. Мой восьмилетний брат повис на нём, обхватив его шею, но наших хилых сил не хватило, чтобы удержать разъярённого громилу ростом за шесть футов.

В беспечном радужном детстве у нас с Брайаном был свой уголок, своего рода укрытие на время отцовского урагана. Тогда мы его ещё боялись и считали, что он прав. Раньше в глубине нашего заднего дворика находился сарай, где отец держал инструменты и садовый инвентарь. Осенью туда убирали на хранение два велосипеда: один мой — ярко синий *пешли*, второй — трехколёсный *чоппер*, принадлежащий Браю. При первых признаках назревающей бури я хватал хныкающего брата в охапку и нёсся к гостеприимно распахнутой дощатой дверце, за которой нас укрывал полумрак, пропахший краской, удушливой пылью и сухой травой. Мы сидели там, пока нас не звали обратно. Иногда я, набравшись смелости, ходил в разведку: заглядывал в кухонное окно или пробирался в холл через парадный вход. С тех пор многое изменилось. Сарай снесли, и теперь на его месте располагалась

оранжерея — подобие зимнего сада, да и мы больше не прятались, а смело бросались в бой. Но кое-что осталось по-прежнему: все мы до сих пор нуждались в месте, где можно отдышаться и набраться сил.

Пока мы втроем возились и кричали друг на друга, мама спустилась в подвал и закрылась в небольшой прачечной, оборудованной стиральной машиной и сушилкой. Она часто так поступала, когда обстановка в доме накалялась до *красного уровня*, и вообще проводила там много времени. Просто молча уходила, предоставляя нам право самим разруливать обстановку.

Итог нашей схватки был плачевен: мне разбили нос, а Брая отшвырнули к стене, как щенка. И нам пришлось с позором покинуть поле неравного боя.

— Чёртовы выродки! — неслось нам вдогонку. — Мел! Вот так ты воспитываешь наших сыновей! Эти бестолочи...

Последние слова поглотил звон разбитой посуды. Отец остался один и принялся крушить, уже в который раз, кухню. Что-то металлическое упало с грохотом на пол, и раздался рёв. Прекрасно, пусть сломает себе руку или отдавит пальцы, а лучше проломит свою голову.

Равнодушно вслушиваясь в жалобный вой отца, я отправился приводить себя в порядок —

нужно было смыть кровь с лица, — а Брайан сбегал на второй этаж (вероятно, он забрал игрушечный световой меч, с которым никогда не расставался), торопливо спустился обратно, и, как специально, хлопнул входной дверью. Я ещё подумал тогда, что он поступил очень благоразумно и мне может тоже стоит смотаться из дома, чтобы пережить бурю, но передумал. Мне было страшно оставлять маму наедине с отцом. Все-таки я старший сын, и обязан её защищать.

Потому рассудив здраво, я заперся в своей комнате. Вместо дворового сарая появился новый укромный уголок, где мне нравилось проводить много времени. Ноутбук, наушники и синтезатор преклонных лет — всё, что было нужно, чтобы попасть в сказочную локацию, иллюминированную ярким светом, где так спокойно и радостно, где по-настоящему интересно и где забываешь на некоторое время о серой, безрадостной и неутешительной действительности.

EDM⁷. Вот мой бог и мой мир. Музыка, которую можно сравнить и поставить только в один ряд с классической, настолько она многогранна и беспредельна. Бесчисленное число основных звуков

⁷ Электронная танцевальная музыка (англ. EDM — Electronic Dance Music).

и их вариации, которые слой за слоем наполняют бездну, словно морская вода. В них можно погрузиться, нырнуть и даже плавать, но достать до дна невозможно — его просто не существует. Многие скептики усмехнутся и скажут: «Да что может ваша музыка, созданная с помощью звуковой карты компьютера. Она никогда не будет звучать, как живая. Глас машины. Ей не достичь теплоты исполнения настоящего музыкального инструмента». Но глупые, как же они заблуждаются. Ни одна гитара и ни одно фортепьяно не дадут ту безграничную свободу в высоте, громкости, длительности и тембре, которую может подарить сгенерированный звук. Электроника словно создана для того, чтобы каждый мог построить свой собственный мир, как сделал это я, открыв её для себя два года назад.

Сначала появился синтезатор. Его подарила мне тётя Эбби — сестра матери, — которая живет в Понтипридде, и преподаёт на кафедре античной философии в местном университете. Она неординарная личность: родила в пятнадцать сына от какого-то проходимца и, не смотря на все трудности, сумела получить неплохое образование. Сколько её помню, Эбби всегда одевалась просто, без изысков, нарочито небрежно — в брюки и рубашки мужского покроя. Короткая стрижка, в губах зажата неизменная тонкая папироска. Тётка

громко говорит, вероятно, всё дело в привычке. Попробуй-ка весь день читать лекции, да ещё так, чтобы тебя услышали на последних рядах в огромной аудитории олухи-студенты, отходящие после ночного загула.

Мой отец Эбби ненавидел. Он называл её *эта*, и когда тётка заглядывала к нам в гости, старался слинять из дома. Эбигейл Мортон, единственному человеку, навещавшему нашу семью, было одиноко — её сын, Харди, давно вырос, выучился на звукоинженера и уехал в Ниццу. Сейчас ему уже около тридцати. По какой-то непонятной для меня причине он не общается со своей матерью, и когда тётка гостила у нас, то они с мамой часто его вспоминали. Эбби в такие моменты всегда становилась грустной, а мама старалась её как-то утешить, подбодрить. Они тихо в полголоса говорили о Харди, до меня иногда долетали обрывки фраз: «...он связался с плохой женщиной...» или «...настоящий кобель...». Я не подслушивал, у меня просто очень чуткий слух. В их размеренном едва слышном говоре мне чудился спокойный рокот летнего моря. Волна ласково, нежно набегает на берег, чуть обдаёт успевшие нагреться камни, и, кажется, что они слегка шипят, остывая. Потом вода отползает назад, и галька, обсохнув, снова раскаляется от жаркого ослепительно-желтого солнца.

Антикварный синтезатор раньше принадлежал Харди, он учился играть на нём, когда ему было столько же, как и мне. Так что этот аппарат древний, точно Кардиффский Касл Мот, и весит, как два булыжника, целых двадцать восемь фунтов. У него западают несколько клавиш, звуки кажутся смешными, плоскими и жестковатыми, нет многих функций. Чтобы подружить его с ноутбуком мне пришлось перелопатить кучу драйверов, но всё-таки он мой и другого пока нет, и не будет. Зато я знаю все его капризы. Иногда синт начинал тихо звучать, тогда мне не оставалось ничего иного, как стащить у отца из шкафчика в ванной початую бутылку *Дениелса*, и протереть платы и резинки алкоголем. Стоит моим пальцам коснуться клавиш, и я забываю о том, что смешон и неуклюж, о проблемах в школе и семье. Мелодии у меня выходят пока неказистые, сырые, но сочиняю я их самостоятельно и могу часами подбирать полутона и тональности. Если у меня получается достаточно связанный и гармоничный аккорд, я испытываю кайф, не знаю, как назвать ещё это чувство — эйфория, полёт. Была бы моя воля, я бы вообще не вылезал из своей норы, так бы и сидел, отгородившись от всех людей. От всех кроме, Сэнни, Брая и мамы. Они три самых дорогих для меня человека.

Я проторчал тогда в своей комнате до четырех

часов дня, разбираясь с пиратским *секвенсором* ⁸, который установил на ноутбук накануне. Иногда, снимая наушники, слышал, как на кухне мама осторожно сметает осколки стекла, как громко топает отец по дому, недовольно бурча себе под нос. Потом мама — я издали узнал её тихие, осторожные шаги, — постучалась в дверь моей комнаты.

— Стюарт, открой, — приглушённый голос, чуть охрипший, наверняка она плакала.

Отперев дверь, я, стараясь не смотреть на мать, уселся на кровать. В такие моменты, после бурных сцен отца, мама всегда испытывала неловкость перед нами, детьми, словно ей стыдно за его поведение, за свои слезы и слабость, за то, что не способна оградить нас от еженедельных склок.

Мы с ней похожи — такие же, как у меня, бирюзовые глаза и узкие плечи. Она точно так же ссутулится, стесняясь своего высокого роста, из-за которого похожа на бывшую манекенщицу. По словам Сэнни миссис Мелани Сандерс красива, но мне почему-то так не кажется. Стыдно, конечно так

⁸ Программа для записи, редактирования и воспроизведения ритмических фигур и мелодических фраз (так называемых «паттернов»).

думать о своей матери, наверное, я просто привык к её внешности, она примелькалась, да и годы, прожитые с отцом, не пошли на пользу. Ей сорок лет, под глазами сетка из морщинок и тёмные полукружия, походка уже не такая легкая. Мама будто выгорела изнутри. Иногда раньше я замечал, как она подолгу стоит у окна и смотрит на улицу. Не из любопытства, а просто отстраненно и бездумно, словно её нет рядом.

Однажды, после очередного скандала, я спросил её, почему она до сих пор живёт с моим отцом: не проще было бы развестись или уехать. Мама тогда, грустно улыбнувшись, ответила:

— Стю, ты просто ещё ничего не понимаешь. Это был мой выбор и сейчас уже поздно что-то менять. К тому же мальчикам нужен папа. Для того чтобы стать настоящими мужчинами, вы должны вырасти в полной семье. Да и ваш папа только с виду такой независимый и крутой, но если мы уйдем от него, он и дня без нас не протянет. Когда ты станешь взрослым, ты меня поймешь.

Странная логика, женская, но в чём-то мама тогда была права. После каждого скандала наступал период раскаяния. Отец извинялся, просил прощения и всякий раз давал клятву, что он больше не будет, и звучала она именно так. По-детски: *не буду, но вы сами виноваты — довели*. Но я ему не верил и всегда ждал склок и ссор. Порой меня

напрягала его излишняя веселость, и возникала мысль, что батон слишком игривый, и следует насторожиться. Я не знаю, как назвать это чувство. Ты как будто живешь на пороховой бочке с коротким фитилём, которая детонирует раз в неделю. Мы втроем даже придумали кодовые слова: *жёлтый уровень* — значит пока всё хорошо, но лишнего лучше не болтать, *оранжевый* — все ведут себя собрано, улыбаются плоским шуткам отца, *красный* — знак высшей степени накаленности обстановки, точка невозврата, когда даже простое слово, сказанное с неправильной интонацией, способно вывести батона из обманчивого равновесия.

— Брая до сих пор нет, — спокойно сообщила мне мама. — Я звонила Уоллесам — он к ним сегодня не приходил. Герберт об этом узнает и у него появится новый повод для скандала.

Вот этого нам не хватало! Я ощутил раздражение: иногда младший брат доставлял мне кучу проблем. За окном — изморось, стекла в мелких каплях; сильный ветер пригибал пожелтевшие кусты к земле. Мне предстояло всё бросить и по ненастью отправиться на поиски Брайана.

— Ты все-таки зайди к Уоллесам, может Фил его видел, — попросила меня мама, когда я в холле одевал поверх своей оранжевой *свифтшотки*

дождевик.

Уоллесы жили на нашей улице Хинд Клоуз, совсем рядом — через пять домов, — потому моему брату позволялось ходить к ним без сопровождения. Обычная семейка: фазер, мазер и сынуль, которому было столько же лет, как и Браю. Они вместе посещали начальную школу Баден Повелл и дружили много лет. Филип таскался за Брайаном, как хвост, и, по-моему, его боготворил. Стоило Браю завести новый *фэндом*⁹, как Фил сразу брал с него пример. Брат одно время полюбил мультик про паровозик, и его дружок незамедлительно раскрутил своих родителей на покупку игрушечного уродца с бледным лицом утопленника. Или взять хотя бы историю династии *Скайуокеров*. В сентябре Брай выпросил у отца подарок за хорошую учёбу, и тот купил ему синий меч *Люка*. Мама сшила белый балахон, похожий на шерстяной халат, и мой брат разгуливал в нём по дому. Фил немедля прибежал к нам в гости в чёрной маске и с красным трехрогим световым

⁹ От англ. *fandom*, букв. фанатство — неформальное (как правило) субкультурное сообщество, участники которого объединены единым интересом, связанным с произведениями искусства — пристрастием к определённым фильму, книге, сериалу и т. д.

мечом. Они принялись сражаться и дружок Брая постоянно ему поддавался.

Наверное, дружба и должна так строиться: кто-то главный, а кто-то всегда в тени. Но для меня это как-то было дико. Я к такому не привык. Равноправие, взаимопонимание, доверие — вот что должно лежать в основе дружеских отношений в моем понимании. Хотя мне было трудно судить, друзей в возрасте Брая у меня не было, а моей дружбе с Сэнни слегка лишь больше года.

Улица встретила меня неласково: едва ли не ураганный ветер принялся сдирать с моих плеч дождевик, кроссовки намокли. От холода и сырости покраснели пальцы и кончик носа — под ним стала скапливаться влага. Безрезультатно заглянув к Уоллесам, я двинулся по Хинд Клоуз обратно к своему дому, но не свернул на подъездную дорожку, а прошёл дальше, думая по пути, где Брай может околачиваться в такую погоду столько времени. Я всерьёз переживал, думая, что он весь продрог и промок. Если он простынет и заболит, то батон три шкуры спустит с меня и мамы.

Признаюсь честно, в последнее время, когда отец орал на меня, я его не боялся и не обижался, просто воспринимал его вопли, как некий громкий задний фон, этаким *бэкграунд*¹⁰. Иногда ловил

¹⁰ Фон трека, то на чём он построен (англ. Background —

себя на мысли, что если наложить на него своё пение, то может получиться нечто. Правда свой голос мне пришлось бы подвергнуть *компрессии* ¹¹: природа меня обделила, наградив, словно в насмешку, тремя октавами. Но зато я мог разбить громоподобный рёв батона на отрезки, обработать их *реверберацией* ¹², добавить *808бас*, разнообразить все несколькими ударными киками, вплести *дипер* ¹³, и вот он шедевр — готов. Жаль, что у меня так и не хватило решимости.

Район Треморфф, где живет наша семья не совсем благополучный, но и не такой дрянной, как соседний Сплотт — здесь обитают более или менее приличные люди, но и до того же Уитчерча или Мейнди ему очень далеко. Улица Хинд Клоуз, на которой последним и стоит наш дом, упирается в

задний план)

¹¹ Применяется для сжатия динамического диапазона трека, т. е. уменьшить разницу между самыми громкими звуками (пиками сигнала) и средним уровнем сигнала трека.

¹² Реверберация — это процесс постепенного уменьшения интенсивности звука при его многократных отражениях.

¹³ Бас-гитара.

огромный пустырь Пенгэм Грин. Это место нечто среднее между парком и помойкой. Там полно всякого мусора, в кустах всегда трутся какие-то подозрительные личности. Мама запрещала Браю ходить по пустоши одному. Я же часто там бывал для того, чтобы сократить свой путь в школу и обратно, избежать столкновений со старшими ребятами и просто ни с кем не встречаться по дороге. Пенгэм Грин начинается сразу за невысоким забором из металлической сетки, который тянется вдоль боковой стены нашего дома. Окно моей комнаты выходит как раз на эту сторону. Пустырь выступает в качестве буферной зоны, огораживая наш район от сталеплавильного завода и побережья.

На протяжении всего прошедшего лета я наблюдал за тем, как ночами перемещаются картонный коробки, складированные за высоким забором гипермаркета Теско, который располагался неподалеку, на территорию пустоши. Увлекательное было зрелище.

Городские власти, стремясь очистить от мусора и облагородить Пенгэм Грин, чтобы потом можно было гордо величать этот участок земли парком, как-то понагнали людей, преимущественно иммигрантов, и вывезли весь хлам на трёх больших грузовиках. Но все их усилия оказались бесполезны, так как на следующее утро коробки

каким-то необъяснимым способом материализовались в разных уголках пустоши. Некто выложил из них пирамиды высотой в восемь футов. Простояли они, правда, не долго, позже их разметало ветром, налетевшим со стороны залива. Естественно у городской управы возникли серьёзные претензии к руководству гипермаркета, но те лишь пожали плечами и сказали, что разберутся и выяснят, кто из их работников занимается подобной фигней. Коробки снова собрали уже силами коллектива магазина и благополучно отправили на свалку. На пару дней все успокоилось, но потом пирамиды появились вновь, причем в тех же местах, что и предыдущие. Их еще раз ликвидировали, но безуспешно. В течение нескольких следующих недель они возникали с завидной периодичностью. Все наши соседи гадали, кто же их расставляет, некоторые отправлялись в ночные дежурства, осматривали местность. Я тоже несколько ночей пробовал не спать, желая понять, кто всем этим занимается, но так ничего и не увидел. Всё закончилось тем, что городские власти плюнули на Пенгэм Грин и о парке забыли. Пустошь вновь оказалось в полной власти подозрительных индивидов, которые появлялись там ближе к вечеру.

Пока я шёл по натопанной тропе, пролегающей вдоль чащобы высоких кустов

вперемешку с побуревшим бурьяном, мне никто не встретился. Я то и дело оглядывался по сторонам, просекал ситуацию, готовый в любой момент броситься наутёк. Наушники не давали мне преимущества первым услышать об опасности, но от удовольствия послушать *сеты* популярных ди-джеев и музыкальных *продюсеров*, пока ищу своего брата, я отказываться не собирался.

Можно назвать меня трусом, бабой, кроликом. Сколько себя помню, у меня всегда были трения со сверстниками, и прочим сбродом, посещавшим среднюю школу «Высокие Ивы». И я вывел на основе своих взаимоотношений с ними аксиому, что неважно, урод я или нет, просто окружающим, но не всем, а только тем, кого можно называть *хантсмэнами*, всегда нужен мальчик для битья; они выбирают себе жертву и непостижимым образом, как будто сговорившись на ментальном уровне, травят, презирают, ненавидят. Они, как стая, потому я всегда начеку.

Преодолев земляной вал, отделяющий задний двор моей школы от пустоши, я выбрался на футбольное поле. Хотел обойти здание своей альма-матер и поискать Брая в парке, который находится выше по Мерсиа-роуд, но заметил брата в зелёной курточке на подходе к парковке перед школой. Он, посмотрев по сторонам, пересёк затихшую из-за непогоды Силвод-роуд, махнул

рукой и бегом направился ко мне. Судя по всему, он шёл с побережья залива, куда ему строжайшим образом было запрещено ходить не только мамой, но и отцом.

Там на узкой полоске берега залива, за шоссе Ровер-уэй, иммигранты самовольно возвели небольшой посёлок — поставили несколько сборных домиков и старых, облезлых, покрытых ржавчиной, трейлеров. Городской совет пытался несколько раз выдворять их из стихийного поселения, но те пошли жаловаться по всем инстанциям, напомнили о политике толерантности и власти отступились, лишь на всякий случай огородили территорию бетонным забором. Наивные. Со временем посёлок, у которого не было официального названия, разросся и теперь состоял из беспорядочно разбросанных улиц, заваленных различным мусором, ворованным металлоломом, старыми крышками и прочей дрянью, за что и получил громкое и говорящее само за себя название от местных — *Гербидж*.

К обитателям поселения я относился терпимо. Они не виноваты, что в их странах богатеи делят власть и деньги, продают свой народ, и потому простым смертным приходится искать своё счастье в прямом смысле за тридевять земель. К тому же в этом посёлке жил мой единственный друг — Сэнни.

— Ну, и какого чёрта ты там делал? — Начал я разборки, как только Брай, запыхавшийся, оказался рядом.

— Дома всё успокоилось? — спросил он, не обращая внимания на мои слова.

Как ни странно, но его куртка была относительно сухой, не похоже, что он всё время провёл на улице под дождём.

— Мама тебя обыскалась. Давай придумывай, что ты ей сейчас скажешь о том, где пропал столько времени.

Ни разу в жизни не закладывал младшего брата, что бы тот не натворил, и никогда не ставил себя выше его. Конечно, при случае не упускал возможность покомандовать им — трудно было удержаться от соблазна, имея шестилетнюю разницу в возрасте, — но своей властью не злоупотреблял. Мы были с ним в одной лодке, вернее нас трое — я, мама и Брай; батон — он зимнее бушующее море. И нам троим нужно держаться вместе, друг за друга, чтобы выстоять и не пойти ко дну.

— Гулял по берегу, — сочинил Брай.

— Молодой человек, а вам не кажется, что вы нагло лжёте? — Я перешёл на официоз, которого набрался от Сэнни.

— Стю, не спрашивай меня тогда, где я был и мне не придётся врать. Я не делал ничего плохого.

— Да ты хоть знаешь, что сейчас полно всяких... педиков! — Я рассчитывал, что это слово его напугает. — А ты бродишь один неизвестно где!

— Я смогу постоять за себя! — Брат, отвернув полу куртки, словно ковбой из старых американских вестернов, продемонстрировал оружие, которым планировал отбиваться от плохих парней — световой меч.

— Ха-ха. Очень смешно, — сказал я серьезно. — Брайан, не стоит преувеличивать свои возможности. Окружающий мир не сказка, и не кино.

— Я умею сражаться! Ты видел, как я недавно врезал этому Кэтмору из третьего класса?

Да, я видел. Забияка и второгодник Уильям Кэтмор достал всех в Баден Повелл и Брайан решил его проучить: собрал после окончания уроков своих дружков и они зажали драчуна Билли под трибуной школьного стадиона. Мне довелось застать лишь окончание грандиозной драки, как раз тот самый кульминационный момент, когда Брайан отвесил мощнейший правый хук Кэтмору, и я испытал тихую грусть. Младший брат, наносящий удар поверженному и растерянному противнику, окруженному со всех сторон орущей мелкотой, слишком сильно походил на отца. Мне не хотелось, чтобы он стал таким же.

— Да, ты умеешь сражаться! После того случая маме пришлось краснеть перед директором, а я до сих пор вынужден встречать тебя после занятий не так, как раньше на перекрестке, а заходить за тобой в школу, чтобы ты в очередной раз не вляпался в какую-нибудь неприятность!

— Билли — засранец! Он заслужил!

— Его можно было наказать и по-другому! Нечестно, когда толпа нападает на одного!

Брай сразу расстроился, что стало заметно по его лицу. Меж тёмных бровей пролегла вертикальная складка, ярко-синие глаза наполнились влагой, губы собрались в нитку. Он не любил, когда ему возражали, а его умозаклучения подвергались критике. Совсем, как батон.

— Эй! — нас кто-то окликнул.

Мы оба повернулись на голос. Невдалеке от нас остановилась девушка, — я понял это скорее по её фигуре. Лицо наполовину скрывал капюшон чёрной теплой толстовки. У ноги незнакомки замерла собака, хаска. Светло-серая шерсть чуть намокла и топорщилась в разные стороны, как иглы ежа.

— Брай, всё в порядке? — спросила девушка.

Я опять в очередной раз удивился, насколько широк круг знакомых у мальчишки восьми лет отроду.

— Да! Всё нормально — это мой брат, — с

гордостью сообщил Брайан.

Собака, приветливо виляя хвостом, подскочила к нам. Меня поразили ярко-голубые глаза, холодные, льдистые. От них веяло зимой, настоящей со снегом, бескрайними белыми просторами под светлым прозрачным небом, которые не сливаются на горизонте, а граничат ясно видимой линией.

Брай запросто, без опаски, погладил собаку, и скомандовал ей: «Сидеть!», и та покорно подчинилась, как будто всегда выполняла лишь его приказы. Затем брат проговорил заклятие всех зэвэшников: *«Да прибудет с тобой сила»*. Странное пожелание для собаки, но Брай любил к месту и не к месту его употреблять. Он благословлял так всех подряд: меня, маму, Филя, Эбби, Сэнни, своих дружков, и даже отца.

Девушка тем временем, тихо свистнув собаке, пошла своей дорогой дальше. Её хаска бросилась следом. Они завернули за угол здания школы, вероятно, направляясь на пустошь.

— Кто это? — поинтересовался я у Брая, глядя им в след.

— Кэти, она живет в Сплотте.

— Так, давай сразу договоримся — батону ни слова о том, где ты был, иначе нам всем влетит. Мне скандалы надоели, и думаю, на сегодняшний день их уже хватит.

Повернувшись, я взял курс на Мерсиа-роуд, и Брай, подстраиваясь под мой длинный шаг, побрёл следом.

— Только маме не говори про побережье, — предостерег я его из-за плеча. — Она начнёт переживать, а ей и так сейчас тяжело. Давай скажем, что ты был у Кентов, договорились?

— Угу, — согласился с моими доводами брат. Джош Кент был ещё одним приятелем Брая и жил неподалеку.

Возвращаться домой пришлось по улицам — не мог же я тащиться с братом через пустошь. Если бы это увидел наш отец, мне бы не поздоровилось. Пройдя по Мерен Плейс, мы свернули направо, и дошли до перекрестка Райнуэй-роуд и Хинд Клоуз, где ненадолго остановились: Брай завязывал шнурки на своих кроссовках. Я нашёл взглядом наш дом в конце улицы и с облегчением выдохнул: машины батона (единственной роскоши, которую он позволил, причем только лишь для себя) — белого *фольксвагена* не было у края тротуара. Вечер воскресенья для отца святое время: его ждал паб, приятели, мужские разговоры, обсуждение всякой хрени (сальные шутки про жён сослуживцев, последние сплетни о соседях и общих знакомых, мытьё костей начальства). Зубочёс сопровождался небольшими порциями алкоголя — завтра на службу, — и заканчивался глубоко за

полночь. Ранним утром батон просыпался свежим и отдохнувшим. Все планы на выходные выполнены: жене прочитаны нотации, детям преподнесён отцовский урок. Вот она — семейная идиллия.

Глава 2

1

Тошнотворный хруст. Тонкий хрящ сминается; от резкого рывка рвутся связки и мышцы; шейные позвонки, смещаясь, сдавливают спинной мозг; окружающие ткани начинают кровоточить.

Отзвук неприятного хруста не давал уснуть ему этой ночью. Он слышал его в своей голове вновь и вновь, словно MP3-файл поставленный на повтор. Грохот крупных капель дождя по железу и гул ветра не могли заглушить, порождённый фантазией, еле различимый треск. Смуглый мужчина в сером спортивном костюме ворочался на узкой откидной кровати. Старый матрас, без простыни, сбился в бугры, а одеяло, воняющее застарелой мочой, сползло на бок, оголив грязные ступни ног.

Сумрачная темнота и осенняя сырость навечно поселились в его нищем жилище —

маленьком трейлере на бетонных блоках, — и напоминали тюремную камеру. Временами Дауд Капрух просыпался среди ночи, и ему казалось, что он уже давно понёс наказание за совершённое преступление, и лишь рокот моря снаружи, который легко проникал сквозь тонкие металлические перегородки, убеждал его в обратном.

Хруст был отвратителен, а ещё мерзостнее то, что сделали тогда его руки. Всё случилось две недели назад, и видит Всезнающий, он не хотел её убивать. В тот момент он испытывал лишь раздражение и досаду, но никак не злобу.

Женщина плакала, отвернувшись к окну. Дауд подошёл сзади, обнял правой рукой, положив свою маленькую, с короткими пальцами, ладонь на её набухшие груди и ощутил под тонкой тканью хлопчатобумажного платья податливую мягкость тела. За окном раннее утреннее солнце играло янтарными листьями в разлапистой кроне каштана, росшего у старого невысокого покосившегося забора, огораживающего задний дворик дома на Мурленд-роуд.

Дауд хотел успокоить, выразить сочувствие, заготовленные заранее слова уже вертелись на языке, но почему-то его взгляд остановился на её потной шее, к которой прилипла прядь рыжих волос. Женщина была полной, любая физическая

нагрузка заставляла её сильно потеть; нежная белая кожа в веснушках краснела, становясь почти бордовой. Он не любил запах её пота. Каждый раз после секса с ней ему чудилось, что он покрыт чем-то липким и воняет этой женщиной. Вот и тогда эта вонь, словно чёрный занавес, опустилась на его глаза. Темнота наполнилась красными кляксами. В этот момент за окном раздался пронзительный короткий сигнал тепловоза, следовавшего на сталеплавильный завод, и дом затрясся, словно в припадке, от проходящего мимо — всего в ста ярдах, — тяжёлого товарного состава. Дрожь передалась Дауду, его пальцы вцепились в легкую ткань платья.

Всезнающий молчал в его голове, хотя обычно в такие минуты он говорил с ним: бархатный голос звучал эхом, как в глубоком ущелье, заставляя подчиняться, исполнять приказы и вещать проповеди для окружающих. А вот два других голоса, которые постоянно спорили и вынуждали поступать скверно, в унисон прошипели: *покажи ей*. Мужчина, прикрыв глаза, обхватил подбородок своей любовницы другой рукой, покрытой струпьями от нескончаемых расчёсов, и резко, со всей силой, повернул влево, как будто хотел, чтобы женщина посмотрела на него.

Движение было инстинктивным, заученным.

В юности ему не раз приходилось таким образом обходиться с неосторожными ягнятами, которые иногда калечились при длительных переходах с одного высокогорного пастбища на другое. Бедные животные бились в муках, случайно сорвавшись с невысокого уступа, и Дауду приходилось прекращать их мучения бескровным и гуманным способом. *Тише*, — шептали губы, а огрубевшие за лето пальцы меж тем зарывались в мягкую, шелковистую шерсть, ощупывали хрупкие косточки позвонков. Кроткий ягнёнок замирал в руках, лишь под тонкими рёбрами трепетало маленькое сердце. Невысокий, худощавый мальчик, с едва пробивающимся чёрным пушком над верхней губой, с тревогой вслушивался в бляение, окружавших его со всех сторон, овец, боясь, что сейчас заскрипят мелкие камни под тяжёлой поступью старшего брата Фаруха и тот достанет свой большой мясницкий нож. Вездесущая серая пыль стояла облаком над стадом, белой пудрой оседала на густых чёрных ресницах, въедалась в длинную тёмно-синюю рубаху. Мальчик, спешно положив ягнёнка к себе на колени, наваливался на него туловищем, и давил изо всех сил ладонями на тонкую шею.

Раздался тихий противный хруст, как будто обломилась зеленая годичная ветка клена. Этот звук вернул Дауда назад из черно-красной пустоты.

Женщина, не успев вскрикнуть, обмякла, ноги подогнулись, и она бы рухнула вниз, но он успел её подхватить и сам чуть не закричал от дикой боли, прострелившей вдоль всего позвоночника. Лишний шум был ни к чему. В соседней комнате, которая раньше была гостиной, на специальной медицинской кровати с регулируемым положением секций, спал разбитый параличом старик, такой же рябой и толстый, как дочь, только рыжие волосы давно поседели. Женщина безжизненно повисла на руках Дауда, едва не касаясь пола своим необъятным задом. Она вдруг сделалась страшно тяжёлой и он, прикусив нижнюю губу, с трудом дотащил её до дивана, покрытого клетчатым пледом. Там силы ему изменили, и женщина мешком повалилась на шотландку, пружины под ней яростно застонали. За стеной раздался надсадный кашель — старик проснулся и прочищал лёгкие и горло, чтобы позже позвать свою дочь.

— Мисси, Мисси, — его голос был ещё с хрипотцой, но потом, как обычно, набирал звучность, становился скрипучим и протяжным. Мистер Кретчер мог орать часами, с одной и той же интонацией, как у избалованного ребенка, который требует от родителей невозможного.

Рыжие, как огонь, волосы, рассыпавшиеся по зелёной шотландке, на мгновение заморозили Дауда, он наклонился, чтобы убрать багряную

прядь с лица женщины и вздрогнул от неожиданности. Она смотрела на него, её глаза ещё жили. Они проследили за движением его руки, а потом скозились набок и замерли навсегда.

Крики за стеной перешли в новую стадию и стали похожи на визг циркулярной пилы. Дауд, оставив мёртвую Мисси на диване, направился на зов к старику, в соседнюю комнату.

2

С тех пор Капрух потерял покой. Всезнающий стал редко говорить с ним, как будто обозлился на него за содеянное. Но он всё равно надеялся на прощение и верил, что сможет задобрить своё божество, рассказав о нём людям или построив пирамиды ещё выше и из другого материала, например, из покрышек. Их легко будет перевезти на пустошь небольшими партиями с городской свалки в районе Ньютона — теперь у него есть машина, ярко-жёлтая маленькая КИА, которая раньше принадлежала Мисси. В начале, он будет прятать шины в чащобе вдоль Ровер-уэй, напротив реки Рймни, а потом, когда покрышек наберётся достаточное количество, возведёт самую высокую и крепкую пирамиду за всю историю поклонения своему божеству. Покрышки — не картонные коробки, похищенные с территории гипермаркета,

их не растащит ветром, и они не намокнут под дождём. Всезнающий будет доволен, простит Дауда и позволит ему вновь увидеть всех умерших близких: отца, в праздничном *шальвар-камиз* ¹⁴, мать в пурпурном сари, которое она надевала только на праздник *Дивали* ¹⁵, двух старших братьев Фаруха и Мосуда, и, самое главное, дочку, маленькую красавицу Нагиму.

Мужчина со вздохом сожаления откинул зловонное одеяло, поднялся со своей убогой кровати, и поясница мгновенно отозвалась острой болью. Уснуть сегодняшней ночью он уже не сможет. Нащупав босыми ногами свои старые стоптанные туфли среди картонных упаковок, оставшихся от готовых обедов из *Вимпи*, и смятых газет местного *Кардиффского Вестника*, он обулся и, потирая нывшую спину рукой, вышел на улицу. Поздняя ночь окатила его промозглым холодом, совсем как на родине, в Свободном Кашмире. В это время года там тоже бывают такие же стлтые, влажные ночи, зато днём наваливается сухая жара,

¹⁴ Шальвары (брюки) и камиз (рубаша) — это два предмета одежды, которые в сочетании образуют шальвар-камиз.

¹⁵ Главный индийский и индуистский праздник, «Фестиваль Огней».

которая прогревает камни и скалы Чогори, и вечером они потрескивают, остывая.

Трейлер, в котором Дауд жил весь последний год, стоял на краю посёлка переселенцев, в ста ярдах от линии прибоя. Когда мужчина не мог уснуть, то выходил на берег, садился у кромки воды и беседовал с Всезнающим. Задавал вопросы, и голос в его голове отвечал. *Как устроен мир? Куда уходят люди после смерти? Почему Всезнающий выбрал именно его много лет назад, когда Дауд был ещё безусым юношей?* Он не стеснялся спрашивать обо всём, и был по-своему счастлив, осознавая, что является единственным человеком в мире, которому доступна истина.

Сегодня чёрное ночное небо — перевёрнутая бесконечная бездна, — смотрело на него сверху, как слепец. Взгляд, лишённый смысла и обращенный в пустоту. Дауд, в который уже раз ощутил себя маленькой затерявшейся песчинкой; если бы не Всезнающий, то он был бы одинок и никому не нужен, и потому не уставал каждый день благодарить своё божество за то, что оно явилось ему. Правда у его бесценного дара была и отрицательная сторона — те двое, которых Капрух боялся. Их появлению предшествовал тонкий звон в голове, левая рука плавилась от сильнейшего зуда, а два тихих змеиных голоса принимались нащёптывать всякие гадости. Иногда они спорили

меж собой или обсуждали самого Дауда. Их укоряющие интонации выводили из себя, ему казалось, что они читают его потаённые мысли, повторяют их громко вслух, да так, что посторонние люди слышат. С голосами нельзя было договориться, они всё делали наперекор, и мужчина старался во время таких приступов спрятаться в свой трейлер. Только Всезнающий мог загнать этих двух скандалистов и подстрекателей далеко вглубь сознания, откуда они потом не выбирались несколько недель или даже месяцев. Но в последнее время что-то изменилось. И не в лучшую сторону.

3

Дауд, не обращая внимания на дождь, пошёл на побережье и забрался под перевёрнутую лодку, которая лежала здесь похоже с незапамятных времен. Давным-давно рачительный хозяин для того, чтобы предохранить свое суденышко от порчи, подставил под корму жердь, благодаря чему получилось уютное укрытие на ночь от непогоды для влюбленных парочек, а в дневное время лодку облюбовали дети Гербиджа, которые натаскали внутрь занятных безделушек, выброшенных морем на берег. Мужчина, оглушённый дробью капель по днищу лодки, опустился на колени в сухой песок; в поясице, как кипятик, опять расплескалась боль.

Некоторое время он сидел, привыкая к гулкому шуму, а потом, преодолевая свой недуг, наклонился вперёд.

Он повредил спину в Кале, два года назад, когда перебирался в Великобританию через Ла-Манш по железнодорожному тоннелю. Лагерь для беженцев располагался к востоку от портового города на севере Франции, в промышленном районе Дюн и носил меткое название «Джунгли». Условия жизни там были ужасны, но что значат простые бытовые неудобства для людей, которые привыкли обходиться без ванны, наполненной горячей водой или без тёплого сортира. Беженцы, в основном молодые мужчины, жили кто в простых туристических палатках, продуваемых всеми ветрами, а у кого водились деньжата, те могли позволить себе лачужку из фанеры. Дауд попал в Кале весной, как раз шли сильные дожди, лагерь утопал в непролазной грязи, пищевых отбросах и мусоре. Французы-волонтёры навели узкие настилы из досок поверх раскисшей земли, но безопасно передвигаться меж хаотично расставленных палаток всё равно было невозможно. То и дело приходилось проявлять всю гибкость человеческого тела, прыгая через огромные лужи, в которых местная детвора устраивала запруды, или пробираться на цыпочках, боясь вляпаться в коричневую жижу, очень сильно напоминающую

отходы жизнедеятельности двуногих. Серое мартовское небо было затянуто желтоватым смогом, который принёс западный ветер от находившегося рядом химического завода по переработке диоксида титана. Иногда едкий сернистый запах так плотно окутывал «Джунгли», что от него щипало глаза и першило в горле. Но, несмотря на всеобщую неустроенность быта, обитатели лагеря в Кале были немного счастливы — после стольких приключений они оказались почти у той цели, к которой проделали нелёгкий путь. Оставалось лишь незаконно пересечь Ла-Манш и оказаться в свободной и богатой стране, в которой можно смело подавать прошение о предоставлении убежища. Гостеприимная Франция их совсем не интересовала — пособия маленькие, нужно работать и учить язык. В Великобритании же легко вращаться корнями — рынок труда предоставляет огромные возможности, — можно без проблем устроиться неофициально и получать левую зарплату.

Целью Дауда являлся вожделенный берег Южной Англии. С его знанием английского языка и педагогическим образованием шансы получить в Соединенном Королевстве работу были очень высоки. Попастись в Дувр будет, конечно, сложно, но он рассчитывал на Всезнающего. Его бог могущественный и справедливый, неровня

христианскому или мусульманскому, даже Шива, которому поклонялись родители и старшие братья, был не так всемогущ.

Первое, что поразило Дауда в Кале, так это дети. Они бегали по нечистотам и смеялись. Впервые за время своего путешествия он видел не запуганных и умоляющих о помощи, как при переправе из Турции на Эгейские острова, а веселых и жизнерадостных ребятшек, которые живо отзывались на улыбку любого прохожего. Совсем, как в родном Музаффарабаде, в средней школе для мальчиков, где он раньше работал.

Здесь, в лагере, Дауд должен был встретиться со своим хозяином Халиком. Если бы кто и сказал кашмирцу год назад, что ему предстоит вскоре стать рабом пуштуна, то он бы... нет, не ударил бы по лицу злоязычника, как поступил бы европеец, а предрёк всем его поколениям жить в нищете. Халик обитал где-то на главной улице и был владельцем ночного клуба. Заведение с говорящим названием *Магриб*¹⁶ представляло собой каркас из горбыля, вместо окон стена фасада обтянута прозрачной полиэтиленовой пленкой, через которую можно увидеть, как внутри тёмного помещения, мерцают разноцветные огоньки простой ёлочной гирлянды.

¹⁶ «Там, где закат».

Днём клуб пустовал, зато ближе к вечеру сюда приходили посетители, в основном зрелые мужчины. Они степенно рассаживались за столиками, сколоченными из бросового материала — старых досок и щитов, которые удалось найти на задворках склада возле доков, — и говорили о политике. Иногда вспыхивали нешуточные споры по поводу заявлений Франсуа Оланда об ужесточении таможенного контроля, о прекращении действия договора *Ле-Туке*, который доставлял столько хлопот местным властям и простым французам.

В заведении открыто торговали контрабандным *Метаксой*, и скрытно, из-под полы, — настоящим афганским гашишем. *Флики*¹⁷ боялись соваться в лагерь — здесь главенствовали свои законы, потому они предпочитали не вмешиваться. Выставили оцепление перед каждым въездом в «Джунгли», и проверяли документы всех выходящих за кордон.

Дауд попал в клуб под вечер. Полутёмное, тесное помещение с низким потолком тонуло в пару кальянов: от приторно сладкого запаха

¹⁷ Французы придумали расшифровывать слово *flic* как *Federation Legale des Idiots Casques* (в буквальном переводе «Легальная федерация идиотов в шлемах»).

разболелась голова. Сильный ветер шуршал полиэтиленовой пленкой, её надоедливый шелест не могли заглушить ни громкая беседа нескольких афганцев, ни смех выходцев из Нигерии, сидевших у входной двери. Они оценивающе глянули в сторону вошедшего, блеснув белками глаз на фоне тёмной кожи, и не найдя в нём ничего интересного, вернулись к своему весёлому разговору.

— Салам, — поздоровался Дауд с молодым парнем, стоящим за импровизированной — из пары ящиков и куска фанеры, — барной стойкой.

— Салам. — Юноша с гладкой и нежной кожей, судя по произношению, явно был из *Страны Чистых* 18.

— Мне нужен Халик. — Слова на урду давались тяжело, Дауд не заметил, как отвык от родного языка за два месяца путешествия по Европе.

Парень молча указал ему на неприметную дверцу в боковой стене, которую украшали витые лианы из зеленого пластика и небольшой постер из журнала с полуголой девицей. Она несколько раз кокетливо подмигнула Дауду. *Ты мой невольник.* «Только не сейчас!» — взмолился Капрух и, стараясь не смотреть в сторону нахальной девки,

18 Пакистан.

толкнул дверь, за которой оказалась ещё более убогая комнатуха. Голые стены и утоптаный земляной пол, единственной мебелью были низенький столик, заставленный кальянами да пустыми бутылками из-под выпивки, и пластиковый стул, явно украденный с открытой веранды какого-нибудь кафе в городе. На нём важно восседал грузный мужчина с чёрной курчавой бородой. *Васпат* ¹⁹ из темно-зелёного бархата, белые щегольские *изар* ²⁰ и длинная рубаха. Модник.

— Ас салам аллеика, Халик-саиб, — Дауд, происходящий из рода *мухаджиров* ²¹, смиренно сложив ладони, слегка поклонился перед пуштуном. Пресмыкаться он не привык, и от этого стало ещё горше на душе.

— Ас салам, — интонация хозяина ночного клуба была пока настороженной. Он неторопливо оглядел стоящего перед ним худощавого мужчину в грязной потрёпанной одежде. От пронизательного взгляда не ускользнули ни напряжённая поза

¹⁹ Жилет.

²⁰ Брюки.

²¹ «Совершивший хиджру», элита мусульманской общины.

вошедшего, которая говорила о волнении и неуверенности, ни левая рука, испещрённая глубокими царапинами, ни то, как неприятно сверкнули тёмные глаза, скрытые под длинной спутанной чёлкой.

— Я — Дауд Капрух из Музаффарабада. — Посетитель заговорил на пушту, проявив, таким образом, уважение к хозяину.

Халик догадался кто перед ним, и тут же приосанился, надулся, на лицо легла тень презрения.

— Долго ехал, — с укором произнёс он. — Я уже переправил людей в Грейстоун, следующий рейс будет только через месяц.

— Меня задержали в Сент-Омер. Полиции не понравился мой паспорт, — начал оправдываться Дауд. Весть, что придётся ждать столько времени, огорчила. Он должен попасть в Соединенное Королевство как можно быстрее. На родине от него ждут денег: жена сможет рассчитаться с долгами и купить лекарства для тяжело больной Нагимы.

Пуштун покачал головой в знак того, что не намерен выслушивать оправдания от нищего кашмирца.

— Пока поработаешь на меня. По вечерам будешь помогать Аману в клубе. Через месяц, как договаривались, отправлю на лодке. На той стороне тебя встретит мой брат Халил. Он устроит на

работу, будешь отдавать ему за это по тысяче фунтов каждый месяц.

Дауд вздохнул — работоторговля в чистом виде, но выбора не было. Ему пришлось покинуть родину в долг, найти нужную сумму на поездку и на поддельные документы (фальшивый пропуск ООН, которым пользовался в Иране и Турции, и липовый чешский загранпаспорт для передвижения по Европе) он не смог. Зарплата учителя в средней школе была крошечной, а у старшего брата, торговавшего зеленью и овощами на рынке, расположенном на главной площади Музаффарабада, просить деньги, в который уже раз, было стыдно. Он и так задолжал ему семьсот пятьдесят тысяч рупий, если перевести их на европейскую валюту, то получалась приличная сумма с тремя нолями.

— Не вздумай сам перебираться через границу, англичане сразу же вышлют тебя из страны. Живи в лагере, в Кале — ни ногой. Нарвёшься на фликов: пеняй на себя. Они в последнее время хватают всех подряд.

Халик поднялся со своего стула и проковылял к двери.

— Аман! — крикнул он.

На его зов прибежал парень, с которым Капрух говорил в зале.

— Вот тебе новый помощник, — объявил

пуштун и опять уселся за столик, показывая всем своим видом, что аудиенция для бедняка закончена. Дауд скривился. Он, самый младший в семье, в которой кроме него было еще пятеро детей, получил образование в университете — так решили родители, — теперь вынужден будет подчиниться какому-то выходцу из провинции Герат. Жалкий крохобор, наверняка в Афганистане Халик был погонщиком ослов, а здесь раздулся, как индюк.

Смири гордыню и иди за юношей, — прозвучал голос в голове Дауда. Всезнающий всегда пресекал его надменные мысли. Стоило только подумать о своей незаурядности, как повелитель одёргивал его, как заносчивую девушку, и он повиновался.

Аман оказался словоохотливым юношей. Он, вернувшись за стойку бара, подробно рассказал, чем предстоит заниматься Дауду. Работа была не сложной — дежурить по вечерам у входа в клуб и пропускать внутрь только мусульман, для остальных дорога сюда была заказана. По словам Амана, такие правила ввёл Халик год назад после того, как в заведении произошла массовая драка между шиитами и сикхами. Несколько человек тогда получили ножевые ранения, и их пришлось лечить силами всего лагеря. Благо на тот момент был свой врач — беженец из Алеппо. Происшествие грозило обернуться большими

неприятностями, но случилось оно ночью, когда в «Джунглях» не было многочисленных волонтеров и представителей благотворительных организаций. Халик лично побеседовал с семьями пострадавших и предупредил, чтобы они держали свои длинные языки за зубами.

— Белые старухи раздают здесь воду и книжки для детей. Они просто больные! — Аман для наглядности покрутил пальцем у виска. — Приходят в лагерь с утра, приносят нам свои подачки, разговаривают с нашими женщинами и детьми, объясняют, что в Европе жена не обязана слушаться мужа, и может делать так, как ей хочется. Невежественные! Пытаются навязать нам свои правила! Кормят нас своими похлёбками. Кстати, ты не голоден?

Дауд согласно закивал головой, последний полноценный ужин он съел два дня назад, в Бландеке, отстояв за ним в длинной очереди среди таких же горемык, как и он, около часа на задворках местного миграционного центра. Юноша извлёк из-под прилавка маленькую пластиковую тарелку и ложку.

— Не *кичари* и не *раджма*, но есть можно, — сказал он и дружески улыбнулся. Аман, с его открытым, почти детским лицом и кроткими миндалевидными глазами, всё больше нравился Дауду. Он уже подумывал о том, что молодого

человека можно будет познакомить с Всезнающим и сделать его последователем.

Капрух поковырялся ложкой в холодном рисе, пытаясь выудить из него жалкий кусочек мяса, и задал вопрос на английском — слишком много было лишних ушей в зале.

— Много народу переходит на ту сторону?

— Не очень. Сейчас стало тяжело. Если удаётся залезть в незакрытую фуру на стоянке у пункта взимания платы, то на паром в любом случае не попасть. Машины дважды досматривают французские таможенники, а потом кордон британской пограничной службы. Через французов есть еще шанс проскочить не замеченным — они не особо стараются, для них выгоднее, если одним нахлебником в стране станет меньше. Зато англичане готовы облазить каждую фуру на коленках. У них всё утыкано аппаратурой. Там и сверхчувствительные микрофоны, которые могут услышать сквозь металлические стены контейнера, как бьётся сердце, и анализаторы выдыхаемого воздуха. Нет, не так... Забыл, как называется, — Аман прищёлкнул пальцами, пытаясь вспомнить.

— Углекислый газ, — подсказал кашмирец.

— Да-да, точно! Ну и, конечно, собаки, рентген. Морем, на катере, как делает Халик, надёжней. Каждый седьмой рейс прибывает в Грейстоун. Завидное постоянство и мой хозяин

этим гордится.

— А что происходит с остальными?

— Бывает, их ловит береговая охрана. А бывает... за всё время пока я здесь живу, утонуло с десяток лодок. Перевернулись. Позже утопленников выбросило на наш берег.

Юноша опустил голову и сложил ладони в знак скорби, но не произнёс традиционного для мусульман: *Да простит Аллах прегрешения умершим.* И это не ускользнуло от Дауда. Он подобрал кусочком лепёшки рис, прилипший к краям одноразовой тарелки, и отправил в рот. Чувство голода слегка притупилось, но не исчезло совсем. Мужчина уже привык к постоянному ощущению пустоты в животе.

— Давно ты здесь? — прервал он затянувшуюся паузу.

— С две тысячи девятого. Почти шесть лет.

— Ты очень образованный юноша, грамотно говоришь на английском. Почему ты до сих пор не уехал?

Аман невесело усмехнулся и принялся смахивать тряпкой крошки с прилавка.

— Не могу, — признался он через какое-то время, с опаской глянув в сторону низенькой дверцы с плакатом. — Халик меня не отпускает. Я такой же раб, как и ты! В Англии у меня нет родственников, потому мне нельзя рассчитывать на

программу воссоединения семей. Но я здесь вроде неплохо устроился. Есть даже женщина, француженка, живёт в Сангатте. Я к ней иногда езжу, остаюсь на ночь. Правда она немного старовата и характер у неё не из легких. Но ничего, я с ней научился ладить.

— Аман! — крикнул Халик, приоткрыв дверь своей каморки. — У южного входа раздают муку и сладости, сбегай туда. Может, ещё не всё разобрали. Возьми с собой помощника.

Дауд и юноша, прихватив несколько огромных мешков-сумок, отправились за дармовым товаром. Сначала их путь пролегал в одиночестве, но чем ближе они продвигались к южному входу в лагерь, тем больше к ним примыкало народа. Когда они вывернули из-за палаток на небольшую площадку, то поняли, что зря спешили. Небольшой грузовичок благотворительной организации окружала толпа внушительных размеров, мужчины кричали и толкались, небольшая группа женщин с детьми стояла в стороне.

— Не успели! — Аман был разочарован.

Дауд сделал бесполезную попытку пробраться к машине, но был отброшен назад. Пока он барахтался среди толпы, кто-то успел пошарить под его курткой и вывернуть карманы. С боем выбравшись наружу, кашмирец вернулся к стоявшему неподалеку юноше. Тот, увидев, во что

толпа превратила Дауда за считанные секунды, залиvisto расхохотался. Смех его был искренен и чист, как горный ручей, в бархатных глазах добродушные искорки. Лет десять назад Дауд был таким же юным, счастливым и наивным. Но женился Капрух, потому что родители по заведённой традиции нашли ему девушку, которую он ни разу не видел до свадьбы. А когда его дочь, пятилетняя Нагима, тяжело заболела и потребовались деньги — огромная сумма на лечение и дорогие лекарства, — то он остался один на один со своим горем.

— Ты зря тратишь свои лучшие годы, сидя здесь. Тебе нужно уехать, — посоветовал он Аману.

— Но это не так легко сделать. Тонуть я не собираюсь, играть в прятки с пограничниками бесполезно. Да и Халик так просто не отпустит.

— Я что-нибудь придумаю, — пообещал Дауд.

4

Несколько следующих дней в свободное от работы время он только тем и занимался, что рыскал по стоянкам, где отдыхали дальнобойщики, и оттирался у доков в Кале на набережной Луар. Но снова и снова посещало одно и то же чувство, что всё не то. Всезнающий молчал. Дауд ждал его

совета, но голос в голове куда-то запропастился. Возле одной из парковок, заполненной до отказа фурами, мужчина разговорился с сирийцем и тот рассказал, что ночью собирается запрыгнуть в поезд, идущий через тоннель в Флокстон. Затея была слишком рискованной — составы движутся на огромной скорости, — но сириец видел своими глазами, как его земляк прыгнул с автомобильного моста прямо на открытую платформу челночного поезда, перевозившего фуры на английский берег. Этот вариант был надёжным: непрошеного пассажира никто не заметит — водители грузовиков едут в отдельном вагоне, — и, пока тепловоз тянет состав по тоннелю, можно спрятаться в любом на выбор контейнере, а затем с комфортом продолжить путешествие по Великобритании.

Дауд слушал в пол уха; он чувствовал, что нашёл свою дорогу на ту сторону. Если он сумеет пробраться туда без помощи Халика, то сможет избавиться от опеки его брата Халила. Свой долг он, конечно, вернёт, но чуть позже, а первые заработанные в Англии деньги отправит семье.

Следующим утром Дауд поехал в Вьё-Кокель, юго-западный пригород Кале, откуда брал своё начало железнодорожный тоннель под Ла-Маншем. Добравшись до его окрестностей на попутке, он был поражён колоссальностью территории,

которую занимали подъездные пути, терминалы для досмотра и погрузки автотранспорта. Ему потребовалось несколько часов, чтобы обойти охраняемую зону, огороженную двойным десятифутовым забором с гирляндами колючей проволоки поверху. Через каждые пятьдесят ярдов ограждения на высоких столбах были установлены видеокамеры с круговым обзором местности. Мужчина нашёл неглубокий овраг меж двух автомобильных мостов, которые нависали над железнодорожными путями. Крутые склоны лощины поросли непроходимыми зарослями, голые ветки образовали дремучий частокол. Небо к тому времени потемнело, подул ветер, который крепчал с каждым часом. Дауд с комфортом устроился среди кустов и до самого вечера наблюдал за пассажирскими и грузовыми поездами, которые с воем въезжали в левый круглый зёв тоннеля (правый, из которого составы медленно выползали, его не интересовал). Он испытал разочарование — тоннель производил впечатление неприступной крепости, и пробраться на его территорию вряд ли удастся, — но тут неожиданно заговорил Всезнающий. *Я помогу. Возьми Амана с собой.* Две фразы преследовали Дауда весь обратный путь до «Джунглей». Он не знал, зачем юноша понадобился его божеству, и не смел об этом спрашивать. Если Всезнающий приказал, значит на то его воля.

— Ты чокнутый! — Аман рассмеялся, когда выслушал план Дауда, и, понизив голос, горячо зашептал. — Да тебя размажет по рельсам! Ты хоть знаешь, сколько человек уже пытались прыгать с моста на поезд! И они все были намного моложе тебя!

— Они неверно рассчитали траекторию прыжка. Я преподавал в школе точные науки и знаю, как правильно всё сделать. Смотри! — Мужчина высыпал немного сахара на фанерную столешницу и начертил пальцем два прямоугольника. — Представь, вот это два вагона, на которые ты смотришь с моста. Их скорость, примерно, сорок миль в час, но проезжая под мостом машинист в любом случае чуть замедлит ход, так как там расположены несколько стрелок. И не забывай, что мы будем прыгать после выхода состава из терминала, значит, скорость будет ещё меньше.

— Постой! Я не ослышался? Ты сказал: *Мы* !

— Мы сможем — поверь мне! Нужно просто прыгнуть, когда под тобой будет начало предыдущей платформы. Только в этом случае ты приземлишься на середину следующей. Главное точно рассчитать и во время прыгнуть!

— Я не сумасшедший! Нет! — Аман был непреклонен.

— Ты ничем не рискуешь! Я спрыгну первым,

а ты посмотришь. Если у меня получится, значит, можешь прыгать следом. Если разобьюсь, то ты просто вернешься обратно к Халику.

— А как ты собираешься пробраться на мост? Там дежурят флики.

— Я всё уже продумал. *И мы должны уйти сегодняшней ночью,* — Дауд вслух повторил слова Всезнающего, которые только что прозвучали в его голове.

Аман лишь в сомнении покачал головой.

— Ты псих, — выдал он свой диагноз.

Собрать вещи и подготовиться к побегу оказалось не так сложно. Они взяли с собой только необходимое: сменную одежду и пару бутылок воды. Но никаких документов, ни единой бумажки, которая могла бы удостоверить их личности. Весь нехитрый скарб уместился в двух тощих рюкзаках. В клубе в тот вечер было немногочленно. Ближе к полуночи пошёл сильный дождь. Где-то на востоке, над пригородом Марка, громыхал гром, и последние посетители поспешили разойтись по своим хибаркам. Халик, посидев в своей каморке полчаса, засобиравшись домой: в большую строительную будку, находившуюся неподалеку от лагеря, на улице Гарен. Перед уходом он, по своему обычаю, пересчитал бутылки *Метаксы* и запер на ключ дверь с голой девицей.

Ещё через полчаса Аман и Дауд, прихватив

всю вечернюю выручку ночного клуба — тридцать евро, — отправились на двести шестнадцатую автостраду, прикрываясь полами курток от валившего с ног ветра пополам с водой. Дорога оказалась пуста.

— У нас ничего не выйдет! Смотри, что тут творится! — прокричал юноша, указав на ходившие ходуном рекламные щиты вдоль трассы. Холодные капли дождя при сильном порыве ветра стегали по лицу, словно мелкие осколки стекла. Дауд в ответ промолчал. Всезнающий его ещё ни разу не подводил. Ни в Турции, ни в Средиземном море около Сицилийских островов.

Яркий свет фар заставил обоих мужчин обернуться и Аман, не особо надеясь на удачу, поднял руку с выставленным большим пальцем — родной жест всех автостоперов мира. Маленькая легковушка, резко притормозила и свернула на обочину. Мужчины, не веря глазам, помчались к распахнутой пассажирской дверце. За рулем автомобиля сидела молодая полноватая девушка, которая приветливо улыбалась. Дауд и Аман, удивлённо переглянувшись, полезли внутрь салона, наполнив его запахом сырой одежды и давно немытого тела.

— Могу подвезти вас до Ситэ Европ на Эстюэр, — сказала незнакомка. Похоже, девушку ни сколько не смущало, что в её машине ночью

посреди пустой дороги находились два незнакомца.

— Отлично! В самый раз! — ответил ей Аман, говоривший на французском языке лучше Дауда.

— Мне по пути. Я как раз живу рядом на Ла-Шоссе, — пояснила она.

Юноша, радостно скалясь, повернулся к кашмирцу, сидевшему на заднем сиденье и, перейдя на урду, в полголоса сообщил:

— Она довезёт нас почти до самого тоннеля. Но учти, если она окажется переодетым мужчиной и начнёт к нам приставать, отдуваться придётся тебе одному!

Всю дорогу до торгового центра Аман проболтал с француженкой, а Дауд мысленно говорил с Всезнающим. Творец наставлял, приказывал торопиться. *Время! Ты должен успеть.*

Когда они подъехали к парковке торгового центра, часы, подсвеченные зеленым на приборной доске автомобиля, показывали пять минут второго. Капли величиной с инжир барабанили по белеющей в темноте обшивке огромного здания Ситэ Европ, по асфальту неслись бурные, мутные потоки пузырящейся воды и исчезали в ливневых водостоках. Распрощавшись с девушкой, Дауд и Аман бегом направились по автотрассе в сторону Вьё Кокель. Шквальный ветер дул с юга, словно сама стихия не хотела пускать их к тоннелю. Но непогода все-таки давала несколько преимуществ

— их не смогут заметить. Объективы видеокамер были защищены козырьками, но при таком дожде они давно залиты водой и инфракрасное изображение на мониторах, наверняка, представляет собой смазанную серую картинку, как при обработке фильтром с акварелью. Да и ни один из охранников и носа не высунет из терминала для того, чтобы сделать обход территории, потому как, видя, что творится за окном, любой поймет, сегодняшняя ночь только для самоубийц. Эта мысль также не давала покоя Дауду, пока они с Аманом осматривались, спрятавшись в густой чащобе оврага. Им предстояло выбрать какой мост из двух имеющихся больше подойдет для прыжка. Ле Перад был слишком высок, а расстояние от начала пролёта до середины самого сооружения составляло больше двухсот ярдов. Пройти столько по узкому наружному козырьку, цепляясь лишь за скользкие мокрые перила, они не смогут. Перелезть же через сплошное шестифутовое ограждение, которым обнесли перила на протяжении всего моста, представлялось невозможным. Оставался единственный вариант, названный именем легендарного президента Франции. Под мостом Шарля де Голля как раз сходились несколько железнодорожных путей, и расстояние пролета было меньшим. Невдалеке виднелись два въезда в тоннель. В темноте они были похожи на огромные

круглые глазницы черепа, которые светились мягким жёлтым светом. Он был таким тёплым и домашним, что Дауд невольно представил, как там внутри. Наверняка, пахнет сухим раскрошившимся цементом — от него всегда чуть щекочет ноздри, — точно так же, как в его маленьком доме на тесной улочке, по которой нельзя проехать, только лишь пройти, да и то одному человеку.

— Помни, сначала прыгаю я, а потом уже ты! Пока поезд будет идти по тоннелю, я постараюсь тебя найти, — напомнил Дауд юноше, перед тем, как они вскарабкались по скользкому склону, облицованному железобетонными плитами.

Наверху, у моста, они осмотрелись по сторонам. Проезжающих по дороге автомобилей не было. Патрульная машина фликов стояла на обочине, в салоне горел свет, и сквозь ветровое стекло проступали неясные силуэты. Охраняющие мост жандармы явно не наблюдали за происходящим, а занимались своими делами, может, обсуждали жён или футбол.

Дауд первым выбрался на узкий козырёк — всего-то на пол стопы, — хватаясь за мокрые перила и осторожно переставляя ноги, двинулся к середине моста, Аман последовал за ним. Передвигаться оказалось легко, света, идущего от фонарей, освещающих автомобильную дорогу и рельсы, хватало с избытком. Холодный ветер и

дождь нисколько не мешали, лишь немного зябли руки. Поездов пока не было и это вселяло надежду, что ждать, стоя на узком выступе, придётся не долго — ночью железнодорожные составы ходили каждые полчаса. Мужчинам предстояло дождаться нужного: челночного состава, который перевозит на открытых платформах грузовые автомобили. Несколько дальше середины моста они остановились, внизу под ними находилась как раз левая ветка железной дороги. Теперь оставалось только смотреть и слушать.

Время шло, дождь и ветер стали стихать. Шторм отходил на север и свирепствовал теперь в проливе. Несколько раз небо в той стороне вспыхивало синим мертвенным светом. Холодный ливень и гроза — такая аномалия нередко случалась и в Свободном Кашмире зимой. Одеревеневшие губы Дауда тронула легкая улыбка: он вспомнил, как его дочка, Нагима, успокаивала свою куклу, когда за окном их маленького домика, бушевала стихия. Нани пела песенку о храбром мышонке, который не боялся грозы, её тоненький и чистый голосок дрожал — ей самой было страшно.

...Однажды храбрый мышонок увидел чёрную тучку.

«Где раньше гостила ты», — смело спросил почему-то.

«Я видела дальние страны, моря, океаны и горы,

Но стоило мне появиться, все звери прятались в норы.

И только отважный малютка, услышав моё бормотанье,

Спросил, где была я. Отвечу: Слушала моря дыхание»...

— Поезд! — воскликнул рядом Аман, и воспоминания рассеялись.

Свет двух прожекторов мелькнул перед Ле Перадом. Тепловоз, тащивший состав, шёл медленно — видимо только покинул терминал, — что было хорошим предзнаменованием. Проходные пассажирские и грузовые поезда обычно мчатся на огромной скорости и только перед въездом в тоннель начинают ее снижать. Дауд про себя помолился Всезнающему, попросил его: пусть челночный состав будет с платформами, а не с закрытыми вагонами, в которых перевозят легковые автомобили. Тепловоз миновал первый мост и приближался ко второму, его ход заметно возрос. Стук колес эхом отдавался в ушах, замёрзшие руки ощущали дрожь перил и ограждающей сетки. В тусклом оранжевом свете фонарей, установленных на столбах, блеснуло ветровое стекло грузовика, и Дауд ликующе улыбнулся: Всезнающий не оставил

его молитву без ответа.

— Приготовься, — сказал он побледневшему юноше.

Сам он нисколько не волновался. Творец поможет ему не разбиться, мужчина верил, что всё получится и уже завтрашнее утро он встретит в Англии, и если повезёт, в Лондоне.

Вибрация усиливалась, её ощущали уже не только руки, но и ноги; гул приближающегося поезда нарастал и стал оглушающим.

— Эй, — громкий окрик с моста заставил вздрогнуть. — Вы, двое! Оставайтесь на своих местах.

Свет мощного фонаря осветил стоящих за ограждением мужчин.

— Заметили, — прошептал Капрух.

В этот момент внизу пронесся тепловоз, за ним пассажирский вагон, крышу которого, казалось, можно было подцепить ногой, следующими шли открытые платформы с фурами. Дауд сразу же наметил себе одну, с белыми полосами по тёмному фону прицепа. Третья по счёту.

— Стоять! — раздалось совсем рядом. Нет, так просто его не поймать!

Он переступил ногами на узком козырьке, пытаясь их размять перед прыжком. Несколько раз глубоко вздохнул. Когда под ним оказалась

середина предыдущей платформы, мужчина разжал руки и шагнул в пустоту. Единственное, что он запомнил о своем прыжке, так это ощущение пропасти под ногами и быстро приближающуюся крышу тёмного грузовика. Дауд приземлился (хотя здесь больше подойдет слово *приконтейнерился*) не удачно — как раз между кабиной и прицепом, который дал ему со всего маху по грудной клетке. Сильный удар был похож на столкновение с машиной. Мужчина не удержался, пальцы, обламывая ногти, скользнули по мокрому металлу, его отбросило назад, в спине что-то щёлкнуло, и боль прошлась огненной волной от крестца до затылка. Кто-то рядом сильно закричал, Дауд подумал, что это он, и в следующую минуту поезд въехал в тоннель.

Стук колес стал глуше, словно их обвязали соломой, по стенам поплыли длинные прямоугольные плафоны, излучающие приятный успокаивающий жёлтый свет, но Дауда охватила паника — он не мог дышать. Тёплые воздушные потоки вихрем наполнили лёгкие, из глаз потекли слёзы, уши заложило и казалось, что барабанные перепонки вот-вот разорвёт. Мужчина с трудом сполз вниз на платформу, прижался к закрепленным в специальные зажимы колесам грузовика, рессоры которого натужно скрипели под тяжестью раскачивающейся махины. Тент на

прицепе хлопал, как флаг. Воздух, действительно пахнувший сухим раскрошившимся цементом, пронизывал одежду насквозь. Брюки надулись, как паруса, полы куртки закинуло на лицо, её бы могло сорвать с плеч, но мешал рюкзак на спине. Теплоход, тянущий состав, набрал положенную скорость в восемьдесят миль в час. Ещё полчаса и он окажется в Фолкстоне, небольшом городке на южном побережье Соединенного Королевства.

Дауд, распластавшись под грузовиком, наконец, научился дышать этим плотным воздухом. Маленький осторожный вдох через рот, как будто что-то откусываешь, а потом длинный выдох через нос. Постепенно боль в спине и паника стали уходить, их место заняло ощущение счастья — ему удалось удачно прыгнуть и не получить серьезных увечий, — Всезнающий его вновь не подвёл. Дауд улыбнулся, не разжимая губ, но потом вспомнил об Амане. Хватило ли ему времени и храбрости последовать за ним. Может быть, он так и не решился, и его задержали подоспевшие флики.

Капрух планировал найти юношу, пока состав будет идти по тоннелю, чтобы потом они вместе спрятались в грузовике и спокойно добрались до любого крупного города, но он не ожидал, что это окажется так трудно. Вихрь сбивал с ног, платформа угрожающе раскачивалась, серые стены пролетали мимо — от всей этой круговерти

кружилась голова, а к горлу то и дело подступала тошнота. Дауд не имел возможности встать в полный рост и посмотреть в хвост состава. Кое-как приподнявшись на четвереньки, он всё же прополз к сцепке вагонов и выглянул из-за невысокого, в десять дюймов, бортика. Перед его глазами предстала бесчисленная череда грузовиков всех мастей и видов. Их раскачивало и мотало в унисон, как будто огромные машины то кивали, то удивленно покачивали кабинами, словно ученики в классе, которым учитель рассказывал о погоде, царящей на Марсе. Неподаляку, на пятой платформе, он заметил разноцветный ворох тряпья, лежащий на самом краю. Ещё немного и поток воздуха смахнёт его вниз под тяжёлые колёса.

На Амане была оранжевая куртка. Страх за юношу подстегнул Дауда, он приподнялся и взвесил, сможет ли перелезть на следующую платформу. Расстояние было небольшим, в полтора фута, но металлический блеск двух рельсов под вагонами остановил мужчину. Воображение в один момент нарисовало страшную картину — тяжёлые чугунные колеса режут его плоть, сминают колоссальной тяжестью кости, дробя их на мелкие осколки. Он содрогнулся от ужаса. Придётся ждать прибытия в терминал. Если Аман погиб или серьезно ранен, то его заметят на разгрузочной площадке. Приедут полицейские, досмотрят все

фуры и найдут Дауда. Всё окажется напрасным, его вышлют из страны, и второго шанса попасть в Великобританию уже может и не быть. Он навеки останется в Кале — Халик не простит украденных денег, а самое главное, вероломного бегства из-под его опеки.

— Всезнающий, помоги! — Взмолился мужчина, закрыв глаза. — Ты справедлив и всемогущ! Творец, ты столько раз спасал меня, значит, я тебе был нужен. Не обойди меня своей милостью и на этот раз...

Внезапно что-то изменилось. Дауд открыл глаза и схватился руками за бортик платформы для того, чтобы не упасть. Скорость поезда снижалась, он плавно замедлял свой ход. Мужчина, больше не ощущая яростного давления воздушной массы, вскочил на ноги и, не дав себе опомниться, перемахнул на соседнюю платформу. Затем, цепляясь за бок грузовика, пробежал до конца и прыгнул на следующую. Пёстрое тряпье оказалось Аманом. И он был жив, хотя потерял слишком много крови, которую раздуло длинными ручьями по всей платформе, словно кто-то хотел нарисовать паутину, но получилось у него однобоко и коряво.

Юноша лежал на спине, пальцы раскинутых в стороны рук немного подрагивали, под затылком темнело пятно, обозначая исток красных ручейков. Дауд низко наклонился над Аманом,

откинул оранжевую куртку и услышал, как тот быстро и хрипло дышит, бледная кожа лица подёрнулась синевой, под закрытыми глазами пролегли чёрные тени, из ушей струилась полупрозрачная розоватая жидкость. Капрух взялся за плечо юноши, пытаясь подтащить его к себе, подальше от опасного края платформы. Голова Амана безжизненно откинулась на бок, и из носа хлынул поток мутной влаги, в горле что-то заклекотало. Он кашлянул, крупная дрожь сотрясла тело. У Дауда сжалось сердце — помочь юноше уже нельзя и, пока они доберутся до Фолкстона, он умрёт.

Поезд тем временем совсем замедлил свой ход, и теперь почти полз по тоннелю. Капрух встал в полный рост и с тревогой посмотрел вперёд по направлению движения. Платформа под его ногами сильно дрогнула, раздался скрип, и состав резко остановился. С непривычки всё поплыло перед глазами, и мужчина едва не упал. Восстановив равновесие, он ещё раз оглянулся по сторонам. Серые стены с натянутыми канатами кабелей, прямоугольные плафоны и узкая пешеходная дорожка для обслуживающего персонала по правую руку. И вроде бы никаких видеокамер. Если причиной вынужденной остановки стали они с юношей, то ему следует спрятаться. Дауд собрался было лезть под грузовик, как почувствовал новый

толчок. Платформа поехала вспять.

— Нет! Только не это! — прошептал он, не веря своим глазам.

Но состав действительно тронулся в обратном направлении, и мужчина растерянно заметался: он не хотел возвращаться назад, но и бросить юношу тоже не мог. Но тут Всезнающий снова подсказал ему правильное решение. Медлить было нельзя, скорость поезда постепенно возрастала. Дауд спрыгнул на пешеходную дорожку, шириной не больше двух ладоней и, шагая рядом с платформой, стал осторожно подтягивать Амана к себе. Когда он оказался на самом краю, Капрух подхватил его, как ребенка, на руки и прижался к стене тоннеля, оберегая свою ношу. Они не вернутся обратно во Францию. Ни один из них. Дауд отправится дальше пешком, а юноша останется лежать в тоннеле поперёк рельсов. Но сначала они обменяются с Аманом куртками: себе он возьмёт его оранжевую, а ему оставит свою чёрную. Всезнающий, как всегда, всё правильно рассудил.

5

Гул поезда стал нарастать, вихрь тёплого воздуха вновь прошёлся по одежде. Состав, набирая крейсерскую скорость, становился меньше. Дауд проследил, как два тусклых пятна, моргнув

раз-другой, словно на прощание, исчезли за кривизной тоннеля, и направился на север, прикидывая про себя, сколько ему предстоит преодолеть миль до Фолкстона. Часы в его телефоне показывали полтретьего ночи. Перед тем, как подняться на мост он также засекал время — прошло всего пятьдесят минут. Путём несложных математических расчётов Дауд подсчитал, что большая часть расстояния от Вьё Кокель до Фолкстона позади, и сейчас он, судя по всему, находится под материком, то есть формально в Англии. Ему следует поторопиться, чтобы успеть выйти из тоннеля затемно; днём его могут заметить. К тому же в голове ворочалась мысль о других поездах, которые могли появиться в любой момент. Потоки воздуха сметут мужчину с узкой дорожки под колеса состава — кругом гладкие стены. Каналы кабеля проходили слишком высоко, их не достать. Каждые триста пятьдесят шагов располагались небольшие ниши с узкими низкими дверцами, ведущими во внутренние служебные помещения тоннеля. Проходя мимо, мужчина всякий раз ждал, что дверь откроется и его схватят. Сухой тёплый воздух сушил горло, но он боялся остановиться и хлебнуть воды из лежавшей в рюкзаке бутылки. Дорога была каждая секунда.

В три десять — мужчина постоянно сверялся с часами на телефоне, — вдруг отключился свет.

Жёлтые прямоугольные плафоны гасли один за другим. Сначала темно стало впереди, потом линия терминатора приблизилась к Дауду, а затем, как волна, перевалив через него, поползла дальше в сторону Франции. Вязкая густая чернота поглотила всё вокруг.

Капрух, опасаясь оступиться в чернильном мраке, пошёл медленнее, правой рукой касаясь шероховатой стены. Сколько он не вглядывался в темноту, но, кроме мелькавших разноцветных кругов на периферии зрения, ничего не видел. Батарея телефона почти совсем разрядилась, и он берёг оставшийся заряд на самый крайний случай. Гадал про себя, чем же вызвано отключение электричества, в голову лезли самые дикие мысли. То он представлял, что впереди обвал, и даже несколько раз останавливался, потому что ему мерещилось, как журчит вода, то думал о пожаре, который мог возникнуть из-за аварии. В тоннеле было тихо, слишком тихо, темнота и тишина давили на уши, как будто он оглох и одновременно ослеп. Чтобы не поддаться возрастающей панике, вспомнил об Амане. Укоры совести лучше, чем дурные мысли. Перед глазами возникло видение: юноша, оставшийся лежать на рельсах.

— Я виноват в его смерти? — спросил он Всезнающего.

Нет, но его смерть поможет тебе пересечь

Ла-Мани. Своеобразный ответ, но мужчина давно перестал удивляться и переспрашивать, что же подразумевает Всезнающий. Его божество слишком загадочно, он не мог представить, как оно может выглядеть. Бесплотный и бесполой голос в голове, не создающий ассоциации ни с цветом, ни с запахом. Фантом. Химера. Бред. Но Дауд не относился к своей иллюзии критично. Он истинно верил.

Вскоре что-то в окружающей черноте стало меняться. Сначала, появился другой запах: на сухой и тёплый, лёг тонкий налёт прохлады, свежести, но почему-то с гарью. И чем дальше брёл Дауд, тем явственнее пахло дымом. Уже запершило горло, и на глаза навернулись слезы, но он всё равно упрямо шёл вперед. Голос в голове твердил: *Иди. Не бойся. Так нужно.*

Понемногу тьма начала разбавляться легким жёлтым свечением — сначала мутным и неясным, а потом заметной точкой-огоньком. Под полукруглым потолком тоннеля загулял сквозняк, ощущаемый с каждым шагом всё сильнее. Капрух остановился — впереди пожар. Дышать стало трудно: дым наполнял лёгкие и серой мутью струился под ногами. Мужчина стянул куртку Амана, смочил водой из бутылки и прикрыл ею лицо. Как бы ему не было страшно, но он должен идти вперёд, в неизвестность, полностью

положившись на волю Всезнающего. Он не может послушаться своего повелителя, даже если ему суждено там погибнуть. Пройдя ещё несколько сот ярдов, Дауд побежал. То, что он принял за огонь, оказалось выездом из тоннеля, который подсвечивали оранжевые сполохи. Вероятно, снаружи что-то горело, а едкий дым затягивало внутрь, как в огромную трубу. Куртка больше не спасала от гари и последние ярды стали самыми мучительными — он задыхался, сердце стучало где-то у самого горла, всё скрылось в сизой пелене. Выбравшись наружу, Дауд с трудом разобрал сквозь завесу из слез, что горит длинное одноэтажное здание, расположенное рядом с тоннелем. Видно было, как вокруг него суетились пожарные — расплывчатые фигуры в жёлтых одеяниях; столб огня освещал всю местность, словно днём.

Времени на размышления не осталось. Мужчина рванул изо всех сил прочь из круга света, на четвереньках вскарабкался вверх по крутому откосу и оказался на пустой забетонированной площадке. Там он содрал с головы куртку и, пригибаясь, помчался, куда глаза глядят. Он бежал, боясь оглянуться назад, потому как был уверен, что его преследуют, неважно кто — охрана терминала, полиция или же пограничники. Они должны были гнаться за ним, словно стая охотничьих псов.